

Научная статья
УДК 343.41
<https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-59-64>
EDN: <https://elibrary.ru/avezpu>

НИОН: 2003-0059-3/23-670
MOSURED: 77/27-003-2023-03-869

Проблемы квалификации незаконного оборота специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации

Ирина Ивановна Бунова

Академия управления МВД России, Москва, Россия, bynva@rambler.ru

Аннотация. Освещаются проблемы квалификации незаконного оборота специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации. Рассматривается судебная практика по уголовным делам данной категории. Акцентируется внимание на неправильной квалификации данного деяния, что приводит к нарушению права на частную жизнь и права на тайну.

Ключевые слова: права человека, неприкосновенность частной жизни, незаконный оборот специальных технических средств, защита информации

Для цитирования: Бунова И. И. Проблемы квалификации незаконного оборота специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3. С. 59–64. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-59-64>. EDN: AVEZPU.

Original article

Problems of qualification of illegal trafficking of special technical means intended for secret obtaining of information

Irina I. Bunova

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, bynva@rambler.ru

Abstract. The problems of qualification of illegal turnover of special technical means intended for surreptitious obtaining of information are highlighted. The judicial practice in criminal cases of this category is considered. Attention is drawn to the incorrect qualification of this act, which leads to a violation of the right to privacy and the right to secrecy.

Keywords: human rights, privacy, illegal trafficking of special technical means, information protection

For citation: Bunova I. I. Problems of qualification of illegal trafficking of special technical means intended for secret obtaining of information. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023;(3):59–64. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2023-3-59-64>. EDN: AVEZPU.

Статья 138.1 «Незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации» введена Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ [1]. Это произошло не случайно, а в большей степени закономерно, поскольку защита информации, особенно о частной жизни граждан, представляет собой одну из важнейших задач современного российского государства [2, с. 7]. Именно поэтому в настоящее время разрабатываются различные средства защиты, в том числе и уголовно-правовые.

Изучение проблем привлечения к уголовной ответственности за незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, позволяет установить направления государственной политики в области защиты информации, а также выявить, какие действия с информацией запрещены [3, с. 167–168].

Актуальность исследования обусловлена тем, что неправильная квалификация данного деяния приводит к тому, что нарушаются права граждан в области информационной безопасности [4, с. 23–25].

Данные о числе осужденных по ст. 138.1 УК РФ в Российской Федерации можно представить следующим образом [5]. В 2012 г. было осуждено 46 человек, 2013 г. — 152, 2014 г. — 212, 2015 г. — 258, 2016 г. — 229, 2017 г. — 254, 2018 г. — 160, 2019 г. — 73, 2020 г. — 44, 2021 г. — 60, а за период до июня 2022 г. — 27 осужденных.

Таким образом, прослеживается положительная тенденция снижения числа осужденных по ст. 138.1 УК РФ в Российской Федерации. Необходимо полагать очевидным, что число осужденных за совершение преступления, предусмотренного ст. 138.1 УК РФ, в 2019 г. снизилось более чем наполовину. Указанную тенденцию можно объяснить наличием мно-

© Бунова И. И., 2023

жественных проблем квалификации незаконного оборота специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации.

В рамках доктрины права и в правоприменительной деятельности появилось понимание о необходимости совершенствования правового регулирования оснований уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 138.1 УК РФ. Необходимо совершенствовать и практику правоприменения. Указанные выводы не раз озвучивались и законодателем, и Верховным Судом Российской Федерации. Кроме того, данная проблема стала осознаваться и рядовыми представителями российского общества. Так, 14 декабря 2017 г. в ходе пресс-конференции Президенту РФ В. В. Путину сообщили о возбуждении уголовного дела в отношении фермера Евгения Васильева, который приобрел GPS-трекер со встроенным микрофоном с целью отслеживания местонахождения скотины [6].

Верховный Суд Российской Федерации в постановлении Пленума от 25 декабря 2018 г. отметил, что необходимо исключать квалификацию деяния по ст. 138.1 УК РФ в том случае, когда умысел лица не был направлен на приобретение и (или) сбыт специальных технических средств (например, при добросовестном заблуждении). Кроме того, необходимо устанавливать и цель приобретения рассматриваемых технических средств. Так, если подозреваемый или обвиняемый не имел целью нарушать конституционные права и свободы граждан, то он не может быть привлечен к уголовной ответственности [7]. Данные указания Верховного Суда Российской Федерации фактически указывают на декриминализацию ряда деяний, которые ранее квалифицировались по ст. 138.1 УК РФ. Между тем, ряд вопросов практики применения ст. 138.1 УК РФ до настоящего времени разрешен лишь в практике иных федеральных судов.

Так, одной из основных правоприменительных проблем выступает квалификация содеянного при незаконном сбыте технических средств, который не окончен в ходе оперативно-розыскного мероприятия.

В рамках доктрины права состав преступления, предусмотренного ст. 138.1 УК РФ, признается формальным. Суть формального состава преступления заключается в том, что преступление будет считаться оконченным в момент начала совершения противоправных действий, независимо от наступления вредных последствий. Так, из материалов дела в отношении гражданина И следовало, что он не довел свой преступный умысел до конца ввиду причин, которые

напрямую от него не зависели, а именно: в результате проведения мероприятия «контрольная закупка» и изъятия предмета преступления. Тем самым фактически суд сделал ссылку на ч. 3 ст. 30 УК РФ, согласно которой умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам, признаются покушением на преступление.

Учитывая изложенное, суд апелляционной инстанции переквалифицировал действия И. со ст. 138.1 УК РФ на ч. 3 ст. 30, ст. 138.1 УК РФ как покушение на незаконный сбыт специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации [8].

Вместе с тем, конструкция состава преступления, предусмотренного ст. 138.1 УК РФ, предполагает его окончание при незаконном сбыте специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, что означает отсутствие стадии покушения в принципе.

Анализ судебной практики показывает, что суды при квалификации содеянного в момент совершения уделяют внимание изучению факта осознания субъектом преступления незаконности сделки по покупке запрещенного товара. Примером может служить следующее уголовное дело. Покупатель очков со встроенной видеокамерой был признан виновным в совершении преступления на основании таких доказательств, как показания сотрудников полиции и лиц, которые не видели, что именно находилось в упаковке от очков. Московский областной суд приговор отменил, указав, что доказательства свидетельствуют лишь о факте покупки очков. Однако суду не было представлено доказательств направленности умысла покупателя на приобретение запрещенного специального технического средства [9, п. 7].

Однако, далеко не все суды при квалификации содеянного придерживаются данного подхода.

В рамках другого уголовного дела было установлено, что гражданином В. была приобретена скрытая видеокамера в форме пуговицы от пиджака. Направленность умысла субъекта преступления на совершение деяния, предусмотренного ст. 138.1 УК РФ, подтверждалось такими доказательствами, как показания свидетелей и рапортом сотрудника ФСБ России.

Защитник указывал, что приобретенный товар имеет форму параллелепипеда, а пуговицу напоминает лишь его выделяющаяся часть. Кроме того, устройство снабжено мигающим светодиодом крас-

ного цвета. Таким образом, устройство может быть обнаружено без применения специальных средств, что свидетельствует об отсутствии умысла на приобретение технического средства, предназначенного для негласного получения информации. Однако доводы защиты суд отклонил, указав, что вина обвиняемого подтверждалась совокупностью собранных по делу доказательств [10].

Важно учитывать, что в рамках судебной практики сформировался подход, согласно которому совокупность преступлений по ст. 137 и 138.1 УК РФ возможна при совершении деяния, заключающегося в использовании специальных технических средств для подглядывания за лицами в жилых помещениях. Вопрос квалификации преступлений по идеальной совокупности достаточно подробно разработан в уголовно-правовой доктрине [11].

Примером такой квалификации может служить следующее дело. А. был признан виновным в совершении преступлений по совокупности ввиду установления им на тумбе, предназначенной для аквариума, радиомикрофона для получения сведений о частной жизни другого лица. При помощи указанного средства А. смог получить конфиденциальную информацию о личной жизни гражданки Б. [12].

Примером излишней квалификации, не исходящей из требований закона и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, может служить подход государственного обвинителя, изложенный в определении Судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 3 декабря 2020 г. по делу № 7У-12367/2020 [13].

К. оправдан в совершении незаконного оборота специальных технических средств, имеющих функции аудио и видеозаписи, замаскированных под лампы.

В кассационном представлении заместитель прокурора г. Москвы выражает свое несогласие с принятым решением и указывает на следующие обстоятельства: суд оставил без внимания, что собранные по делу доказательства бесспорно подтверждают совершенное преступление. Из материалов дела следует, что К., давая объявление о продаже товара в описании товара, указал, что это скрытая камера в виде лампочки.

По данному уголовному делу установлено, что К. приобрел указанные приборы в качестве видеорегистратора по типу «радионяни» для наблюдения за своим малолетним ребенком. При этом в апелляционной инстанции К. указывал, что использовать указанный прибор можно было дистанционно, в

частности получать звуковой сигнал на телефон при наличии специального приложения. В размещенном объявлении о продаже устройства указано, что продается камера с функцией «вай-фай», панорамная.

Однако все эти фактические обстоятельства, как верно отмечено судами нижестоящих инстанций, не свидетельствуют об умысле на распространение специальной техники.

Анализ судебной практики показывает, что суды при квалификации деяния исходят из необходимости всестороннего изучения всех обстоятельств дела и выявления направления умысла подозреваемого.

Нельзя не согласиться с выводом А. И. Бычкова, сделанным им по итогам изучения судебно-следственной практики: подозреваемому или обвиняемому сложно доказать отсутствие умысла на приобретение или реализацию именно специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации. Среди причин такого затруднения автором называется отсутствие полной и подробной информации о свойствах таких товаров [14], что не вызывает сомнений.

Так, гражданин Ш. заказал на другое лицо, которое не было осведомлено о структуре заказа, техническое средство в виде карманной зажигалки со встроенным механизмом визуального наблюдения для собственных нужд. В суде Ш. свою вину не признал, указав, что о нарушении им уголовного закона узнал от третьих лиц, когда в доме проходил обыск по возбужденному уголовному делу. Доводы стороны защиты были опровергнуты целым рядом различных доказательств: во-первых, свидетельскими показаниями (так как гражданин Ш. ранее уже заказывал сходные технические средства с оформлением их на третье лицо); во-вторых, различными доказательствами письменного характера, в том числе данными, свидетельствующими о заказе шпионского оборудования с использованием нетбука. Суд счел, что все показания гражданина Ш. по поводу приобретения шпионского оборудования являются несостоятельными [15, с. 9].

В рассматриваемом случае проблемным вопросом квалификации выступает установление истинного умысла лица, совершившего преступление. Судам при квалификации данного рода преступлений необходимо принимать во внимание также действия обвиняемого до совершения им вменяемого деяния. Такая характеристика обвиняемого позволяет установить его истинные мотивы и цели при совершении уголовно наказуемого деяния.

По итогам анализа судебной практики можно наметить следующие направления совершенствования судебной практики.

Во-первых, на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ целесообразно конкретизировать понятия производства и сбыта специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации. Представляется необходимым использовать следующие определения.

«Производство специальных технических средств представляет собой незаконное изготовление таких средств с использованием различных методов и средств».

Под сбытом специальных технических средств следует понимать действия, направленные на передачу данных технических средств третьим лицам на возмездной или безвозмездной основе».

Предлагаемая мера позволит обеспечить полноценное и эффективное применение ст. 138.1 УК РФ, наметив основные критерии наказуемости сбыта и производства технических средств.

В рамках доктрины права отмечается еще одна важная проблема квалификация рассматриваемого деяния — определение цели посягательства на конституционные права и свободы граждан. Например, С. Н. Безуглый указывает на то, что встречаются случаи, когда субъект использует запрещенные технические средства с целью защиты своих прав или прав своих близких без намерения нарушить законные права иных лиц [16, с. 71]. Аналогичный вывод содержится и в исследовании В. А. Новикова и В. И. Шиян, которые указывают на то, что приобретение специальных технических средств для удовлетворения бытовых нужд не может рассматриваться как уголовно наказуемое деяние [17, с. 65].

Для решения указанной проблемы автор считает целесообразным внести изменения в ст. 138.1 УК РФ и изложить ее в следующей редакции: «Незаконное производство, приобретение и (или) сбыт специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, с целью нарушения конституционных прав и свобод человека и гражданина — ...».

Внесение данного изменения в действующее законодательство позволит исключить случаи неправомерной квалификации деяния, когда лицо не имеет цели нарушать чужие права, а использует данные средства с целью защитить себя и других людей.

Отмеченные недостатки уголовного закона вызывают необходимость его совершенствования. При-

нимая во внимание общественный резонанс, которым подчас сопровождается применение ст. 138.1 УК РФ, предлагалось и вовсе признать данную норму утратившей силу. Подобное предложение, в частности, поступало от Президента Торгово-промышленной палаты России [18] (далее — ТПП России). ТПП России исходит из того, что существование данной уголовно-правовой нормы приводит к значительному снижению темпов развития предпринимательства в сфере производства высокотехнологичных устройств ввиду их опасения быть привлеченными к уголовной ответственности. Президент ТПП России предполагает, что установление административной ответственности за такие правонарушения будет выступать достаточной мерой юридической ответственности и при этом позволит развивать технологии в нашем государстве.

Для реализации данного предложения в 2020 г. группой депутатов в Государственную Думу РФ был внесен соответствующий законопроект [19]. Авторами законопроекта отмечалась недостаточная определенность действующей редакции ст. 138.1 УК РФ. Однако Верховный Суд РФ в своем отзыве на законопроект проектируемое регулирование не поддержал, отметив, что большая общественная опасность наказуемого деяния как посягающего на конституционные права и свободы человека требует дополнительного обоснования необходимости признания нормы утратившей силу [20].

Тем не менее, автор не согласен с данным подходом ввиду следующего. Нормы данной статьи призваны защищать одно из основных прав человека — право на частную жизнь и право на тайну. Исключение данной статьи приведет к повсеместному вмешательству третьих лиц в частную жизнь граждан. Несмотря на это, нормы ст. 138.1 УК РФ действительно нуждаются в реформировании с целью их соответствия реалиям современной практики их применения.

Подводя итог исследованию проблем квалификации незаконного оборота специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, представляется целесообразным сформулировать следующие выводы.

1. Действующая редакция ст. 138.1 УК РФ порождает проблемы в квалификации деяний, связанных с незаконным оборотом специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации. В рамках исследования выявлены самые актуальные проблемы применения ст. 138.1 УК

РФ, к которым относятся: отсутствие правовой регламентации содержания понятий «сбыт» и «производство» специальных технических средств, абстрактность цели совершения преступления, предусмотренного ст. 138.1 УК РФ. Учитывая это, необходимо в прим. 3 и 4 изложить определения этих понятий в следующей редакции: «2. Производство специальных технических средств представляет собой незаконное изготовление таких средств с использованием различных методов и средств. 3. Под сбытом специальных технических средств следует понимать действия, направленные на передачу данных технических средств третьим лицам на возмездной или безвозмездной основе».

2. В ходе исследования выявлено мнение ряда ученых об исключении ст. 138.1 из УК РФ ввиду наличия проблем квалификации, которое необходимо считать ничтожным ввиду его необоснованности, а воплощение данной идеи в жизнь приведет к повсеместному нарушению прав и свобод человека и гражданина. Для решения указанной проблемы целесообразно внести изменения в ст. 138.1 УК РФ и изложить ее в следующей редакции: «1. Незаконные производство, приобретение и (или) сбыт специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, с целью нарушения конституционных прав и свобод человека и гражданина — ...».

Внесение данного изменения в действующее законодательство позволит исключить случаи неправильной квалификации деяния, когда лицо не имеет цели нарушать чужие права, а использует данные средства с целью защитить себя и других людей.

Список источников

1. Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ (ред. от 3 июля 2016 г.) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.
2. Трунцевский Ю. В., Ефремов А. А. Цифровая интеграция — путь в будущее // Международное публичное и частное право. 2018. № 1. С. 6–12.
3. Уголовная политика Российской Федерации: учебник / Л. И. Беляева, И. В. Горошко, Н. Э. Мартыненко [и др.]. В 2 ч. Т. 2. М., 2020.
4. Трунцевский Ю. В. Интеллектуальное пиратство: гражданско-правовые и уголовно-правовые меры противодействия. М., 2002.
5. На основании формы государственного статистического наблюдения «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации» (Ф. 10-а) за 2012–2022 гг. // URL://http://www.cdep.ru/index.php?id=79.
6. Курганский фермер, о котором рассказали Путину, купил GPS-трекер из-за инвалидности // URL://https://tass.ru/obschestvo/4823997.
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Российская газета. 2019. 9 янв.
8. Постановление Оренбургского областного суда от 18 марта 2021 г. по делу № 22-695/2021 // СПС «Кодекс».
9. Бюллетень судебной практики Московского областного суда за II квартал 2016 г., утв. Президиумом Мособлсуда 24 августа 2016 г. // СПС «КонсультантПлюс».
10. Постановление Президиума Верховного суда Удмуртской Республики от 17 мая 2019 г. № 44У-41/2019 // СПС «Гарант».
11. Осокин Р. Б., Кокорев Р. Б. К вопросу об обоснованности выделения преступлений с двумя формами вины в Уголовном кодексе РФ и их соотношении с идеальной совокупностью преступлений // Вестник Тамбовского университета. 2011. № 6 (98). С. 257–260.
12. Постановление Лесосибирского городского суда Красноярского края от 9 октября 2017 г. // СПС «Гарант».
13. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 3 декабря 2020 г. по делу № 7У-12367/2020 // СПС «Кодекс».
14. Бычков А. И. Правовой режим конфиденциальной информации. М., 2020.
15. Смоляров М. В. Правовые аспекты использования технических средств в различных ситуациях. М., 2019.
16. Безуглый С. Н. Судебное толкование нормы об ответственности за незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (ст. 138.1 УК РФ) // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 2 (29).
17. Новиков В. А., Шиян В. И. Незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (ст. 138.1 УК РФ): состояние и актуальные вопросы

квалификации // Вестник Академии права и управления. 2019. № 3 (56).

18. ТПП РФ предлагает вывести из УК статью за оборот «шпионских» техсредств // URL://https://news.tpprf.ru/ru/opinion/2347890/

19. Проект федерального закона № 900177-7 «О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации в части признания утратившей силу статьи 138.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // «Законотворчество».

20. Письмо Верховного Суда РФ от 7 октября 2019 г. № 4-ВС-6486/19 // СПС «Гарант».

References

1. Federal Law No. 420-FZ of December 7, 2011 (as amended on July 3, 2016) «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // SZ RF. 2011. No. 50. St. 7362.
2. Truntsevsky Yu. V., Efremov A. A. Digital integration — the way to the future // International public and private law. 2018. No. 1. P. 6–12.
3. Criminal policy of the Russian Federation: textbook / L. I. Belyaeva, I. V. Goroshko, N. E. Martynenko [et al.]. In 2 h. T. 2. M., 2020.
4. Truntsevsky Yu. V. Intellectual piracy: civil and criminal law counteraction measures. M., 2002.
5. Based on the form of the state statistical observation «Report on the number of convicts for all crimes of the Criminal Code of the Russian Federation» (Form 10-a) for 2012–2022 // URL://http://www.cdep.ru/index.php?id=79.
6. Kurgan farmer, who was told to Putin, bought a GPS tracker due to disability // URL://https://tass.ru/obshchestvo/4823997.
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russia No. 46 dated December 25, 2018 «On Certain Issues of Judicial Practice in Cases of Crimes against the Constitutional Rights and Freedoms of Man and citizen (Articles 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Criminal Code of Russia)» // Rossiyskaya Gazeta. 2019. 9 Jan.
8. Resolution of the Orenburg Regional Court of March 18, 2021 in case No. 22-695/2021 // SPS «Code».
9. Bulletin of judicial practice of the Moscow Regional Court for the II quarter of 2016, approved. By the Presidium of the Moscow Regional Court on August 24, 2016 // SPS «ConsultantPlus».
10. Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Udmurt Republic dated May 17, 2019 No. 44U-41/2019 // SPS «Garant».
11. Osokin R. B., Kokorev R. B. On the question of the validity of the allocation of crimes with two forms of guilt in the Criminal Code of the Russian Federation and their relationship with the ideal set of crimes // Bulletin of the Tambov University. 2011. No. 6 (98). P. 257–260.
12. Resolution of the Lesosibirsk City Court of the Krasnoyarsk Territory of October 9, 2017 // SPS «Garant».
13. The ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated December 3, 2020 in case No. 7U-12367/2020 // SPS «Code».
14. Bychkov A. I. Legal regime of confidential information. M., 2020.
15. Smolyarov M. V. Legal aspects of the use of technical means in various situations. M., 2019.
16. Bezugly S. N. Judicial interpretation of the norm on liability for illegal trafficking of special technical means intended for secret receipt of information (Art. 138.1 of the Criminal Code of Russia) // Law and order: history, theory, practice. 2021. No. 2 (29).
17. Novikov V. A., Shiyan V. I. Illegal trafficking of special technical means intended for the secret receipt of information (Art. 138.1 of the Criminal Code of Russia): state and current issues of qualification // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2019. No. 3 (56).
18. The CCI of the Russian Federation proposes to withdraw from the Criminal Code an article for the turnover of «spy» technical means // URL://https://news.tpprf.ru/ru/opinion/2347890/
19. Draft Federal Law No. 900177-7 «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation in part of the recognition of the invalidated Art. 138.1 of the Criminal Code of Russia» // «Lawmaking».
20. Letter of the Supreme Court of the Russia dated October 7, 2019 No. 4-VS-6486/19 // SPS «Garant».

Информация об авторе

И. И. Бунова — ученый секретарь ученого совета Академии управления МВД России, кандидат юридических наук.

Information about the author

I. I. Bunova — Scientific Secretary of the Scientific Council of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences.

Статья поступила в редакцию 27.01.2023; одобрена после рецензирования 27.03.2023; принята к публикации 12.05.2023. The article was submitted 27.01.2023; approved after reviewing 27.03.2023; accepted for publication 12.05.2023.